

КИЕВЛЯНЕ XI ВЕКА В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ И «ХРОНИКЕ» ТИТМАРА
МЕРЗЕБУРГСКОГО

В сообщении ПВЛ под 1015 г. (и Начального свода, так как оно есть и в Комиссионном списке НПЛ) из рассказа об убийстве Святополком «Окаянным» Бориса и Глеба говорится, что после смерти Владимира «Святополкъ же сѣде Киевѣ по отци своемъ, и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. И Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде к нему: “Отець ти оумерель”. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: “Се дружина оу тобѣ отня и вои. Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни”. Онъ же рече: “Не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣшаго: аще и отецъ ми оумре, то съ ми буди въ отца место”. И се слышавше вои разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своими»¹. Из этого текста отчетливо видно, что войско Бориса состояло из трех категорий: его собственной дружины, дружины отца и «воев». Древнерусское слово «вои» полисеманлично, чаще всего оно означало просто «воинов», вне зависимости от социального статуса (в цитированном отрывке первое упоминание «воев» — именно в таком значении). Вопреки распространенному мнению², так могла именоваться и княжеская дружина. Однако здесь, как и в ряде других летописных статей, фигурируют и «вои», явно отделяющиеся от дружины. Об этих «недружинных воях» можно сказать, что, во-первых, они, скорее всего, имеют отношение к Киеву («кияне», которых стремился умиловить Святополк, называют их «братьями»); во-вторых, они действуют по своей воле: могут после смерти одного князя служить его сыну, а могут и разойтись. Так они и сделали, причём, видимо, вместе с «дружиной отней», которая в данном случае отдельно не упоминается, но покрывается термином «вои», имеющим тут более широкое значение — всего войска.

Ещё И. А. Линниченко, весьма тонко прокомментировав это место, выдвинул вполне убедительное предположение о взаимоотношениях «дружины» и «воев»: «Лишь только весть о смерти Владимира доходит до бывших в походе, дружина и Киевское ополчение предлагают Борису занять Киевский стол (хотя летопись говорит только о предложении дружины ..., но из дальнейших слов летописи видно, что предложение исходило и от Киевского ополчения ..., если предлагавшие Борису свою помощь дружинники ручаются в том же и за киевское ополчение, то, очевидно, необходимо предположить первоначальное соглашение дружины и ополчения относительно вокняжения Бориса)»³.

Сходное в целом описание этого события содержится и в других памятниках борисоглебского цикла⁴. «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе» сообщает, что, когда князь Владимир Святославич заболел, «въ страну его придоша ратнии. Слышавъ же князь, не могъ изити противу имъ, пославый сына своего Бориса, давый ему множество вои... Ти тако изиде (Борис. — П. Л.) с вои на ратьныя». И далее: «Блаженный же Борисъ ... отшоль бѣ с вои на ратьныя... Ратныи же, яко же услышаша блаженнаго Бориса, идуща с вои, бѣжаша: не дерзнуца стати блаженому»⁵. Здесь воями, как и весьма часто в летописи, именуется всё войско. Однако ниже воями автор «Чтения» называет лишь часть сил, возглавляемых Борисом. Когда он, узнав о смерти отца и вокняжении в

¹ ПСРЛ. 1997. Т. I. Стб. 132.

² См., например: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 187.

³ Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 14.

⁴ Сразу нужно оговориться, что мы не затрагиваем чрезвычайно сложного и запутанного вопроса о соотношении данных памятников; из новейшей литературы см.: Поппэ А. О зарождении культа св. Бориса и Глеба и о посвящённых им произведениях // *Russia Mediaevalis*. 1995. Т. VIII. P. 1; Мюллер Л. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // Мюллер Л. Понять Россию. Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 71–87)

⁵ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 7, 8.

Киеве Святополка, поведал об этом войску, «таче отвѣщаша сущии с нимъ вои, иже бѣша ходилѣ на ратныя, бѣ бо ихъ акы до 8 тысящъ, вси же во оружии, — глаголаша ему: “Мы, о владыко, предали емь (sic!) благымъ отцемъ твоимъ в руцѣ твои, идемъ, или с тобою, или едины, и тако того нужею ижденемъ из града, а тебе же въведемъ, яко же преда намъ тебе благы отецъ твои”. Но Борис отказался пойти против брата по совету «воев», «и цѣлова вся, ти тако отпусти я, а самъ съ отроки пребысть на мѣстѣ томъ...»⁶. Разница с версией ПВЛ состоит в том, что здесь не упоминается «отня дружина». Она, очевидно, покрывается термином «вои». То, что «вои» «Чтения» включают в себя дружину Владимира, следует из их слов («преда намъ тебе благы отецъ твои»). Но и из этого текста видно, что «вои» в данном случае не только дружина, которая вряд ли могла насчитывать 8 тысяч человек. Скорее всего, и автор «Чтения» имел в виду участие в походе Бориса воев-«киян». При этом «вои» тут проявляют еще большую активность, чем в летописи: они заявляют о готовности, даже без воли князя, сами по себе («едины»), выгнать Святополка из Киева, т. е., по сути дела, сменить высшую власть в государстве. Даже если предположить, что это чисто риторический оборот, оттеняющий непротивление Бориса, всё равно примечательно, с какой уверенностью «вои» говорят о своем намерении изгнать неудобного им князя («ижденем нужею») и пригласить другого («ведем»). Между прочим, в «Чтении» сохранилось уникальное известие о том, что Святополк вынужден был оставить Киев не только из-за поражения, нанесенного ему Ярославом, но и в результате какого-то возмущения киевлян: «Крамолѣ бывшеи отъ людии и изгану ему сущю не токмо из града, нъ изъ области всея...»⁷. Эта «крамола» явно стала следствием очень чётко выраженного и в ПВЛ, и в «Чтении» изначального негативного отношения «воев» (как дружины Владимира, так и «собственно воев») к вокняжившемуся Святополку.

Несколько иначе выглядит описание тех же событий в анонимном «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе». Борис рассказывает своему войску о смерти отца и вокняжении Святополка, «и рѣша къ нему дружина: “Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отъни, се бо вси вои въ руку твоею суть”. Онъ же имъ отвѣщавааше: “Не буди ми възяти руки на брата своего, и еще же и на старѣиша мене, его же быхъ имѣлъ акы отъца”. Си слышавъше, вои разидошася отъ него, а самъ оста тѣкъмо съ отроки своими»⁸. Здесь так же, как и в летописи, от имени всего войска говорит дружина, что, безусловно, свидетельствует о ее привилегированном положении, и так же, как и в «Чтении», не проводится различия между дружиной Владимира и «собственно воями». Тем не менее «вои» «Сказания», под которыми, очевидно, подразумеваются как первые, так и вторые, отделяются от личной дружины Бориса (его «отроков»). В целом все три рассказа не противоречат друг другу⁹.

Косвенным доказательством того, что в сообщениях об отказе Бориса идти во главе находившегося с ним войска на Киев, речь шла о «воях»-киевских горожанах, являются известия о поведении Святополка после его вокняжения в Киеве. Выше уже цитировалось летописное сообщение, присутствующее и в НПЛ, и в ПВЛ, о раздаче Святополком ещё до убийства Бориса «именя» киевлянам, которое те принимали, однако, без всякого удовольствия. Далее в ПВЛ сообщается (этого известия нет в НПЛ) следующее: «Святополкъ же оканьнии нача княжити Киевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество»¹⁰. Аналогичное сообщение

⁶ Там же. С. 9–10.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 32–33.

⁹ Очень часто при изложении событий 1015 г. неоднородность войска Бориса игнорируется, что приводит к схематизации и неточностям. Так, В. Я. Петрухин в недавно изданной монографии пишет, что «Борис ... возглавлял отцовскую дружину в походе против печенегов»; «Святополк раздаёт имение «киянам» и, не рассчитывая на их полную поддержку, так как их «братья» составляют отнюд дружину Бориса, обращается к боярству и «чади» Вышгорода»; «заговор завершается убийством оставленного дружиной Бориса на р. Лъте» (Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ, Князь, Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. (Древняя Русь). С. 175, 176). Кроме того, непонятно, что такое «чадь» Вышгорода; в летописи говорится лишь о вышгородских «болярцах» (См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 132).

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 140. Схожесть этих двух сообщений в ПВЛ может быть объяснена двояко. Либо Святополк, действительно, дважды одаривал киевлян, либо во втором случае мы имеем дело со вставкой в более ранний текст, читающийся в НПЛ. Однако

читается и в «Сказании»: «Святопѣлкъ же сѣдѣа Кыевъ по отци, призвавъ Кыеаны, много дары имъ давъ, отпусти»¹¹. Естественно предположить, что попытка задобрить киевлян была предпринята Святополком для того, чтобы они не лишили его своей поддержки.

Изложение истории борьбы за Киев между сыновьями Владимира Святославича в русских источниках можно сравнить с рассказом, содержащимся в немецкой латиноязычной хронике, составленной современником этих событий Титмаром Мерзебургским. Между русской версией и версией Титмара есть существенные фактические расхождения, однако нас в данном случае интересует не событийная канва, а то, насколько описание социально-политических реалий древнерусского общества в хронике Титмара соответствует выводам, которые можно сделать на основе русских источников.

Согласно Титмару, после победы над Ярославом Болеслав и Святополк осадили Киев. Хронист сообщает: «На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара. Хотя жители и защищали его, однако он быстро был сдан иноземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, (Киев) 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сениора Святополка, благорасположение к которому, а также страх перед нашими обратили (к покорности) весь тот край»¹². Обращает на себя внимание то, что даже после ухода князя (Ярослава) из Киева, очевидно, с дружиной, его жители смогли оказать сопротивление, пусть и недолгое, войскам Болеслава и Святополка. Отсюда следует, что киевляне были вооружены или, по крайней мере, имели возможность вооружиться. Кроме того, речь в рассказе Титмара, идет именно о «жителях Киева» («suis habitatoribus»), т. е. горожанах. Никакого намека на «народное ополчение», отряды «волоцан» и т. п. в нём нет. Конечно, исключать участия сельских жителей в обороне Киева нельзя. Возможно, об этом говорит загадочное место из той же «Хроники» Титмара Мерзебургского: «До сих пор этому (городу, т. е. Киеву. — П. Л.), как и всему тому краю, силами спасающихся бегством рабов, стекавшихся сюда, а более всего (силами) стремительных данов (удавалось) противостоять весьма разорительным (набегам) печенегов, а также побеждать другие народы»¹³. «Даны» — это, по

последняя трактовка, кажущаяся соблазнительной, не может быть, тем не менее, принята безоговорочно, так как вопрос о взаимоотношении текстов, повествующих об убийстве Бориса и Глеба в ПВЛ и НПЛ, не решается однозначно (См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 29–75.

¹¹ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 31–32. По мнению М. Н. Тихомирова, раз в летописи сообщается о том, что Святополк «созвал людей», значит, она говорит «не о боярах, а о “людях”, как обычно назывались горожане и вообще простолюдины». О неправомерности такого жёсткого терминологического подхода и многозначности древнерусского понятия «люди» см.: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. М., 2003. Вып. 4. Среди «кыян» могли быть и, очевидно, были горожане разного социального статуса, в том числе и знать. В принципе же, с М. Н. Тихомировым, полагающим, что «Святополк старался задобрить киевских горожан, готовясь к решительной схватке с Ярославом» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси 11–13 в. М., 1955. С. 66), можно только согласиться. Обратил внимание на это известие и немецкий исследователь Клаус Цернак, прокомментировавший его следующим образом: «Очевидно, и после смерти великого князя Владимира династическая система наследования трона оставалась в силе, которая — по крайней мере, в том, что касается киевского великокняжеского трона — кажется, не зависела ни от какого одобрения, путём голосования или даже аккламации, со стороны не княжеских элементов. К тому же, этому месту текста недостаёт всё же специфически политико-правового исторического измерения (der spezifisch verfassungsgeschichtliche Gesichtswinkel)» (Zernack K. Die burgstädtlichen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 52). Формально, К. Цернак прав. Действительно, в летописном тексте нет и намёка на какие-либо разработанные юридические процедуры утверждения князя, поиски их в русских источниках домонгольского времени, думается, вообще бесплодны. Однако рассуждения немецкого историка не имеют никакого отношения к существу дела: киевляне, судя и по русским источникам, и по «Хронике» Титмара Мерзебургского, принимали определённое участие в социально-политической жизни того времени; именно поэтому их поддержкой и пытался заручиться Святополк. Характерно, что К. Цернак использует в данном случае только ПВЛ, игнорируя другие русские источники и даже Титмара, которого он обильно цитирует в других разделах своей монографии, там, где речь идёт о западных славянах.

¹² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI в. М., 1993. С. 142. В оригинале: «Urbs autem Kitawa nimis valida ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur. Defensa est autem ab suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus; namque a rege suo in fugam verso relicta XVIII Kal. Sept. Bolizlavum et, quem diu amiserat, Zentepulcum seniore suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit» (Там же. С. 137).

¹³ Там же. С. 143. В оригинале: «...quae sicut omnis haec provincia, ex fugitivorum robore servorum huc undique confluentium et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat» (Там же. С. 137).

общему признанию специалистов, варяги, а вот относительно *servorum fugitivorum* в историографии нет единого мнения. Традиционно это словосочетание передавалось буквально: «беглые рабы», что вызывало самые разные трактовки¹⁴. А. В. Назаренко, которому и принадлежит цитированный перевод, полагает, что речь здесь идет «не о “беглых”, а о “спасающихся бегством” крестьянах окрестных сел, собиравшихся, как это обычно бывало, в городе во время нападения кочевников и, естественно, принимавших участие в их отражении»¹⁵. Однако при этом остается не вполне понятным, почему Титмар употребил в отношении древнерусских «крестьян»¹⁶, термин «сервы», в средневековой латыни характеризовавший людей, находившихся в личной зависимости. Впрочем, эта проблема требует отдельного исследования. В целом же понятно, что, с точки зрения Титмара Мерзебургского, инициатива и организующая роль в обороне Киева, в случае отсутствия в нем князя и дружины, принадлежала горожанам. С другой стороны, немецкий хронист отмечает, что такая оборона не могла быть долговременной.

Кроме того, Титмар перед рассказом о занятии Болеславом Киева сообщает о том, что ещё до этого Ярослав «силою захватил какой-то город, принадлежавший тогда его брату, а жителей увёл (в плен)»¹⁷. Историков это краткое известие обычно интересовало с точки зрения содержащейся в нём информации о ходе военно-политической борьбы тех лет на Руси. Обсуждалось, прежде всего, какой именно город и когда был захвачен Ярославом¹⁸. Между тем, сама акция Ярослава внимания исследователей, кажется, не привлекала. В тексте Титмара население этого неведомого древнерусского города фигурирует под собирательным названием — «*habitor*». Если понимать фразу буквально, получается, что в плен было уведено всё население города. На первый взгляд, это представляется маловероятным, однако такой трактовке полностью соответствует одно более позднее летописное сообщение. В 6714 г., согласно Лавр., Всеволод «Большое Гнездо» совершил поход на Рязань, поводом для которого стало выступление рязанцев против его сына Ярослава, отправленного владимирским правителем на княжение в Рязань. «Всеволодъ ... иде на Рязань с сынами своими, и пришедь, ста оу града Рязаня, а Ярославъ изиде противу отца своего, и цѣлова и с радостью. И прислаша Рязанци буюю рѣчь по своему обычаю и непокорьству. И повелѣ великий князь всѣм людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повелѣ зажещи град. И оттуду иде г Бѣлугороду, и повелѣ и тѣ зажещи. И възвратися в Володимерь великий князь Всеволодъ со всѣми своими полкы, и с сыномъ своимъ Ярославом, поимъ по собѣ всѣ Рязанци и епископа ихъ Арсеня»¹⁹. Вопреки прямому смыслу известия, в историографии иногда выдвигалось предположение о том, что в плен были уведены не все жители Рязани. Так, А. Л. Монгайт писал об этом: «Всеволод сжёг Рязань и Белгород, а рязанцев увёл с собой. Здесь мы узнаём, кого летописец называет «рязанцами» — это была рязанская знать, в состав которой входили и бояре, и мужи»²⁰. На самом деле, описание этой жестокой акции Всеволода в Лавр. (захват в плен всех рязанцев и сожжение города — столицы одной из русских земель), на наш взгляд, — бесспорное

¹⁴ См. Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1. С. 90; Zakrzewski S. Boleslaw Chrobry Wielki. Lwów-Warszawa-Kraków, 1925. S. 303; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. С. 46; Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 75; Котляр Н. Ф. К вопросу о генезисе восточнославянских городов // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 88–89 и др.

¹⁵ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI в. С. 201.

¹⁶ Использование А. В. Назаренко термина «крестьяне» в данном случае представляется неудачным, поскольку он соответствует реалиям уже послемонгольского времени. Осторожная позиция М. Б. Свердлова, который оставляет в своём переводе «беглых сервов», кажется более корректной (См.: Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 69).

¹⁷ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI в. С. 142. В оригинале: «...civitas fratri suo tunc obediens a Iarizlavo vi caritur, et habitator eiusdem abducitur» (Там же. С. 137).

¹⁸ Подробное рассмотрение этого вопроса и литературу см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 462–476.

¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

²⁰ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 345.

подтверждение того, что упоминающиеся здесь рязанцы — это, во-первых, горожане, а во-вторых, не только бояре и дружинники, но именно *все* горожане. Кроме того, примечательно, что «все рязанцы» — это именно рязанские *горожане* (а не сельские жители, «волощане» или «людство», в противоположность теории И. Я. Фроянова и его последователей²¹), которые являются в принципе субъектом политической деятельности, вступают в переговоры с князьями; их и наказывает Всеволод «Большое Гнездо». О том же самом свидетельствует и известие Лавр. под 6720 г. о возвращении пленных рязанцев домой (их отпустил после смерти Всеволода новый владимирский князь Юрий Всеволодич): «Того же лѣта Георгии князь, сынъ Всеволожь, отпусти и князи Рязаньскыя в Рязань, и епископа ихъ Арсеня, и вся люди Рязаньскыя, и идоша кождо в своя си»²². Как мы видели, в плен были взяты именно рязанские горожане, значит, именно они фигурируют здесь как «все люди рязанские».

Итак, показания русской летописи и немецкой хроники подтверждают друг друга.

Полностью соответствует данным древнерусских источников и сообщение Титмара об отношениях между вокняжившимся в Киеве Святополком и местными жителями. Выше уже цитировался пассаж немецкого хрониста о вступлении Болеслава и Святополка в Киев. Между тем, перевести его однозначно сложно, так как выражение «*cuius gratia*» применительно к Святополку может быть трактовано двояко: как *Genetivus obiectivus* или *Genetivus subiectivus*, что справедливо и очень тонко было подмечено А. В. Назаренко. В первом случае речь идёт о расположении киевлян к Святополку, во втором — о милости Святополка по отношению к киевлянам²³. Сам переводчик предпочитает из этих двух, по его мнению, равноправных вариантов, как мы видели, первый. Это, на наш взгляд, правильно, тем более, что вслед за «*cuius gratia*» идёт выражение «*nostrorum timore*» — бесспорный *Genetivus obiectivus*. Вряд ли союзом «et» («и») соединены выражения с разными по функции падежами. Но выбор такого варианта не влечёт никаких принципиальных изменений в трактовке событий, ведь, как мы видели, по ПВЛ, «благорасположение» киевлян к Святополку было не бескорыстным, а ещё в 1015 г. обеспечивалось раздачами денег и имущества.

После того как Болеслав и Святополк захватили Киев, «...вышеупомянутый сениор с радостью /стал принимать/ местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности»²⁴.

²¹ И. Я. Фроянов справедливо критикует А. Л. Монгайта за бездоказательное отождествление «всех рязанцев» лишь со знатью, но в то же время не замечает, что данное сообщение прямо противоречит его концепции: в летописи определёнno речь идёт о горожанах, а не об абстрактном «людстве» (См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 181. Прим.).

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 437.

²³ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI в. С. 137, 187. На это не обращали внимания многие другие переводчики. Так, М. Б. Свердлов прямо пишет о «милости Святополка» и характеризует её как «демагогическую» (как будто такого же рода действия других князей, «положительных» героев летописи, были всегда искренними) (См.: Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 92). Противоположного мнения придерживался ещё И. А. Линниченко, полагавший, что «...радостная встреча Болеслава и Святополка в попутных городах и в Киеве станет для нас весьма вероятною, когда мы примем во внимание ... что Ярослав вовсе не пользовался популярностью среди киевлян: в нём киевская Русь видела чужого новгородского князя и предполагала, конечно, Святополка как своего князя» (Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. С. 88). При этом, отметим, что историк правильно, на наш взгляд, понял в данном случае латинский текст. П. В. Голубовский, так же трактуя отношения киевлян и Святополка, попытался объяснить их с помощью ни на чём не основанных домыслов о политических планах последнего и «племенном» самосознании жителей Киева: «...сочувствие Киевлян к Святополку обуславливалось ... общностью их интересов. Централизационные стремления Святополка по отношению к другим племенам должны были льстить племенному самолюбию Полян» (Голубовский П. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 58). Любопытен в этом отношении немецкий перевод К. Бухнера: его автор обходит сложность латинского текста, передавая его так: «...sein (Святополка. — П. Л.) Ansehen und die Furcht vor den Unsrigen brachten das ganze Land zum Anschluß» (Thietmar von Merseburg. Chronik / Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Berlin. Bd.9. S.475); т. е. «его /Святополка/ авторитет и страх перед нашими привёл всю землю к подчинению». При этом переводчик, правда, жертвует точностью, употребляя вместо «*gratia*» (милость) немецкое слово «Ansehen» (авторитет).

²⁴ Там же. С. 143. Этот перевод полностью сохранён и в новейшем исследовании этого же автора. См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 465. Между прочим, в трактовке А. В. Назаренко русских известий Титмара,

В данном случае перевод А. В. Назаренко вряд ли вполне точен, поскольку в оригинале читается: «...indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur». Понятие «fidelis» следует переводить, скорее, как «верный», а не как «покорный», и такое понимание гораздо больше соответствует известному нам по ПВЛ и «Сказанию о Борисе и Глебе» характеру отношений между Святополком и киевлянами, являвшимися в большей степени договорными (по крайней мере, по форме), чем основанными на «покорности» подданных своему властителю²⁵. В то же время немецкий исследователь Франц-Йозеф Шрёдер рассмотрел в целом значение понятий «fides», «fidelis» и т. д. в «Хронике» Титмара Мерзебургского и пришёл к следующим выводам. «Fides, — пишет Ф.-Й. Шрёдер, — прежде всего, нужно определить как веру. Далее, fides связана с внутренними, морально-нравственными ценностными качествами. Наконец, это понятие отражает отношения между людьми, в свойствах и поведении которых выявляется fides. Их отношения определяются чётко очерченными правами и обязанностями (Ihre Beziehung ist durch meßbare Pflichten und abgegrenzte Rechte bestimmt). Такие отношения утверждаются клятвой». К последнему типу причисляет Ф.-Й. Шрёдер и использование Титмаром слова «fideles» в данном случае, отмечая, что здесь идёт речь об «отношении городских жителей к своему сеньёру»²⁶. Это также подтверждает договорный характер отношений между Святополком Владимировичем и киевлянами, возможно, подкреплённый обоюдной клятвой. Если это предположение, основывающееся на трактовке Ф.-Й. Шрёдером понятия «fides» и производных от него, верно, можно предположить, что мы имеем дело с первым случаем фиксации в письменных источниках взаимной присяги между князем и киевлянами в Древней Руси — процедуры достаточно хорошо известной по более поздним данным, главным образом, XII в.

В целом, на первый взгляд, не отличающиеся полнотой и обилием деталей сообщения Титмара Мерзебургского, на которых к тому же лежит очевидный отпечаток его авторской концепции, дают определённый материал по социально-политической истории древнерусских городов, подтверждающий, а в чём-то и дополняющий сведения отечественных источников. Во-первых, подтверждается прослеживаемая по русским памятникам довольно высокая степень социально-политической и военной активности городского населения. Во-вторых, выявляются новые факты, наиболее существенным среди которых можно считать скрепление какой-то присягой (вероятно, «ротой» или крестным целованием) договорных отношений киевлян и Святополка Владимировича. Полагаем, что такое сопоставление должно быть продолжено: во-первых, в плане анализа ещё до конца не прояснённых «русских известий» Титмара (например, о «беглых сервах»); во-вторых, путём внимательного изучения не только «русских», но и вообще всех «славянских» известий немецкого хрониста.

содержащейся в этом труде, есть ещё одна неточность. Историк совершенно правильно переводит фразу Титмара из 7-й главы «...nilque ad urbem possessam proficisse», принимая, что «urbs possessa» «может обозначать только город, которым уже овладели, а никак не тот, которым ещё предстоит овладеть; в последнем случае стояло бы «ad urbem possidendam». При этом А. В. Назаренко, оспаривая трактовку этого места М. Б. Свердловым, отмечает, что пассивное причастие прошедшего времени (Participium perfecti passivi) «possessa» «не могло выступать в роли герундия» (Там же. С. 470). Автор путает здесь герундий (отглагольное существительное) с герундивом (отглагольным прилагательным с оттенком долженствования). И в гипотетической фразе, сконструированной А. В. Назаренко, и в привлечённой им в качестве параллели реальной фразе из «Хроники» Титмара («ad Mogontiam denuo possidendam») стоит, конечно, герундив (точнее, герундивный оборот).

²⁵ Характерно, что именно так переведена эта фраза в немецком переводе К. Бухнера («...die Bevölkerung ... sich ihm als treu erwies»; cf.: Thietmar von Merseburg... S. 475) и в польском — М. З. Йедлицкого (он прямо употребляет слово *wierność*, cf.: Kronika Thietmara / M. Z. Jedlicki. Poznań, 1953. S. 622).

²⁶ Schröder F. J. Völker und Herrscher des östlichen Europa im Weltbild Widukinds von Korvei und Thietmar von Merseburg. Münster, 1974. S. 83, 82.